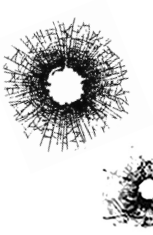
“Боратынского, бывшего предводителя дворянства, расстрелять”

Александр Николаевич Боратынский принадлежал к старинному дворянскому роду, представители которого верой и правдой служили России. Он родился в Казани в 1867 г. Его предки были известными деятелями отечественной культуры: дед со стороны отца — известный поэт пушкинского круга Евгений Боратынский, поэтическое творчество которого высоко ценил А. С. Пушкин; дед со стороны матери — крупный ученый-востоковед, профессор Казанского и Петербургского университетов Александр Казем-Бек. Будучи наследником и проводником высокой дворянской культуры, А. Н. Боратынский был убежден в первостепенной необходимости просвещения народа и посвятил этому делу большую часть жизни. Личная жизнь и общественная деятельность А. Н. Боратынского, его нравственный и духовный облик запечатлены на страницах биографических романов его дочери Ольги Ильиной, «Канун Восьмого Дня» и «White Road» («Белый путь», на русский язык не переведен), в книге его сестры Ксении Николаевны Боратынской-Алексеевой «Мои воспоминания» (М., 2007). Его политические взгляды и деятельность отражены в интересных, содержательных мемуарах его соратника и единомышленника, видного земского деятеля Н. А. Мельникова «15 лет на земской службе» (журнал «Звезда», 2002, № 7), а также в книге современного казанского историка И. Е. Алексеева «Под сенью царского манифеста» (Казань, 2002).

Александр Николаевич Боратынский в 1889 г. окончил Училище правоведения в Санкт-Петербурге. В 1893-1897 гг. служил товарищем прокурора Симбирского окружного суда. В 1901-1902 гг. стал почетным мировым судьей Казанского судебного мирового округа. В 1899-1917 гг. был избран предводителем дворянства Казанского и Царевококшайского уездов. Он был членом Попечительского совета Мариинской гимназии, Училищного совета Учительской семинарии, председателем Казанского отделения Императорского

музыкального общества, организовывал сельские школы по примеру яснополянских школ Л. Н. Толстого.

Основу мироощущения и духовного строя А. Н. Боратынского составляла глубокая религиозная вера. На рубеже XIX-XX вв. российское образованное общество в значительной своей части отошло и от традиционной православной веры, и от церкви. Одни находились в поисках новой религии, другие отрицали вообще какую-либо религию и активно боролись с ней. А. Н. Боратынский до конца жизни оставался преданным гуманистическим принципам православной веры и церкви.

Этой верой одушевлено его поэтическое и музыкальное творчество. От своего деда, известного поэта, А. Н. Боратынский унаследовал поэтический талант. Он писал свои стихи не для широкой публики, читал их в узком кругу родных и друзей, но они, несомненно, могли бы украсить любую поэтическую антологию серебряного века. Его стихи отличает тонкое ощущение природы, глубокие внутренние переживания, высокая одухотворенность, наполненность религиозным смыслом. Язык стихотворений лишен какой-либо нарочитой туманной метафоричности и мистики, характерной для поэтов-символистов того времени. Напротив, наследуя традиции «пушкинской школы он чист и ясен». Одним из самых любимых поэтов Боратынского был Алексей Константинович Толстой, которого он часто цитировал в своих выступлениях. Так перед отъездом в Санкт-Петербург на службу в Государственную думу перед учащимися учительской семинарии он говорил словами из стихотворения А. К. Толстого «Против течения», что им, будущим народным учителям, придется часто идти против устоявшихся мнений, против «мутно плещущихся волн пошлости» и ложных учений, бороться с искушениями и соблазнами в личной жизни, «угнетающими дух»[1]. А. Н. Боратынский призывал своих слушателей к «общей работе во имя божественных начал, идеалов, добра и красоты… к борьбе, но не к борьбе с людьми, хотя бы злыми, а к борьбе со злом, не с грешниками, а с грехами»[2]. Сам он неизменно следовал этим заветам во все времена своей жизни, и ему часто приходилось идти «против течения».

К началу XX в. главным течением общественной жизни России было так называемое «освободительное движение», возглавляемое известными деятелями образованного класса. Этому течению, оформившемуся в «Партию народной свободы», противостояла партия земских деятелей, принявшая название «Союз 17 октября» в честь даты царского манифеста 1905 г., провозгласившего создание народного представительства в форме Государственной думы. Было организовано отделение этой партии в Казани. Одним из основателей и лидеров партии октябристов в Казани был А. Н. Боратынский, ею же он был избран депутатом в 3-ю Государственную думу.

В думе А. Н. Боратынский был председателем комиссии по гимназиям и училищам, а также членом комиссии по местному самоуправлению. Он не принадлежал к числу «записных» думских ораторов, любящих блеснуть ярким словом, вообще был лишен малейшего политического честолюбия. Все его выступления были подчеркнуто деловиты. Он отстаивал идеи модернизации образования. Не забывал А. Н. Боратынский и нужды Казанской губернии, внося проекты организации в губернии профессиональных училищ, в особенности сельскохозяйственных. Боратынский был против принудительного навязывания русского языка, в обучении которому «должно определяться свободной волей и практическим интересом». По его мысли, не принудительная русификация школ, за которую ратовали правые казанские монархисты, а сама жизнь приведет людей к необходимости изучения русского языка.

Вторым по значимости после образования делом, которым занимался в думе А. Н. Боратынский, был вопрос о расширении прав земского управления. В этом он видел фактор сохранения целостности и мирного развития государства.

Подводя итоги деятельности думы, А. Н. Боратынский писал: «Ее (думу — *Б. К.*) нельзя назвать великой, и великих в ее составе не было, но она первая повезла воз, повезла и протащила его

А. Н. Боратынский.
Из коллекции Литературного музея
Е. Боратынского.

через овраги и болота еще неумело… много упреков можно ей послать, что, вероятно, и сделает в свое время история». История сложилась таким образом, что партия октябристов в 1913 г. раскололась на три фракции: «левых октябристов», «земцев-октябристов» и «правых октябристов», а в 1915 г. вовсе прекратила свое существование как самостоятельная партия, что стало для А. Н. Боратынского тяжелым ударом.

Социально-психологический облик А. Н. Боратынского характеризуют и его взаимоотношения с крестьянами. Выстраивая их, со своей стороны А. Н. Боратынский следовал примеру родителей. Его отец и мать всегда были готовы оказать бескорыстную помощь крестьянам — кому материалом для строительства, кому деньгами на покупку скота или инвентаря, кому семенами, а кому-то и мудрым житейским советом. Мать организовала артель женщин-вышивальщиц по дерганому полотну. Изделия артели пользовались большим спросом, экспонировались на российских, международных выставках и приносили дополнительный доход крестьянским семьям.

Известна и просветительская деятельность А. Н. Боратынского. Он содержал на собственные средства начальную школу, где вела занятия его сестра Ксения, организовал из крестьян оркестр народных инструментов, устраивал праздники с чтением стихов и постановками любительских спектаклей. Крестьяне отвечали Боратынским взаимностью. Во время революционных событий 1905-1907 гг. по Казанской губернии прокатилась волна крестьянских волнений. Однако волнения не коснулись Казанского и Царевококшайского уездов, где земской деятельностью руководил А. Н. Боратынский. Его имение оказалось нетронутым, несмотря на призывы заезжих агитаторов к погрому усадеб. Крестьяне защищали усадьбу от разграбления и после Февральской революции 1917 г.

Все начало меняться с октябрьских дней 1917 г, когда людей стали оценивать по другим критериям. Во главу угла был поставлен классовый подход. Из него исходила идеология «красного террора».

Руководитель казанской Чрезвычайной комиссии М. И. Лацис, сыгравший роковую роль в судьбе А. Н. Боратынского, писал: «…не ищите в деле обвинительных улик о том, восстал ли он (обвиняемый — *Б. К.*) против Совета оружием или словом. Первым долгом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова его профессия. Все эти вопросы должны разрешить судьбу обвиняемого. В этом смысл “красного террора”»[3]. Принадлежность к дворянскому сословию, отягощенная университетским образованием, служила, по Лацису, весомым аргументом для расстрела.

А. Н. Боратынского арестовали вскоре после взятия Казани частями Красной Армии 10 сентября 1918 г.

Группа крестьян и бывших учащихся училища и гимназии обратилась к Лацису с ходатайством об его освобождении. Комиссия из 12 комиссаров вынесла вердикт о невиновности А. Н. Боратынского, однако Лацис проигнорировал его и вынес собственное

решение: «Рассмотрев дело гр. Боратынского А. Н., постановляю: Боратынского, бывшего предводителя дворянства, дворянина, и сыновья которого находятся в Белой гвардии, расстрелять»[4]. 18 сентября 1918 г. А. Н. Боратынский был расстрелян на окраине города, вблизи Архангельского кладбища. Смерть он принял мужественно и с достоинством.

Конечно, А. Н. Боратынский мог бы сохранить жизнь, уйдя с частями Белой армии. Но такое решение он не мог принять, считая его недостойной трусостью. Сестра А. Н. Боратынского Екатерина Николаевна в письме сыну А. Н. Боратынского Дмитрию Боратынскому приводит слова своего брата, сказанные им накануне ареста: «Моя семинария, Мариинская гимназия, общественная деятельность, частные люди, приходившие ко мне за духовной поддержкой, наконец, мои дети, в которых я вложил всю душу… и вдруг я убегу?! Тогда вся моя деятельность пойдет насмарку. Если же останусь и мне суждено погибнуть, мой конец укрепит проповедуемые мной идеалы и принципы и, может быть, поддержит тех, кому я их внушал»[5].

На следующий день после казни родные и близкие обратились к Лацису с просьбой выдать тело А. Н. Боратынского для захоронения. Чекист милостиво дал согласие, сказав при этом: «Да, о нем имеются хорошие сведения. Тело можно выдать»[6]. Но при этом поставил условие, чтобы хоронили без священника, а за гробом шли только его сестры[7]. А. Н. Боратынского все же отпевали в День Рождества Богородицы, который являлся престольным праздником церкви, находившейся в родовом имении Боратынских в Шушарах*. Проститься с ним пришло много казанцев. Похоронили Александра Николаевича на Арском кладбище.

Мы предлагаем вниманию читателей письма А. Н. Боратынского матери из Санкт-Петербурга во время заседаний 3-й Государственной думы, хранящиеся в фондах музея Е. А. Боратынского в Казани.

* Ныне д. Шушары в Высокогорском районе Республики Татарстан.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Боратынский. А. Н. Прощальная речь в семинарии перед отъездом в Петербург. – Казань, б. г. – С. 1.
2. Он же. Сообщение о стихотворениях графа А. К. Толстого, сделанное в Свято-Троицкой общине сестер милосердия. – СПб., 1911, – С. 28.
3. Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. – Казань, 1995. – С. 59.
4. Мамаева Т. Окаянные дни // Время и деньги. – 1998. – 2 сентября.
5. Боратынская К. Н. Мои воспоминания. – М., 2007. – С. 420.
6. Там же. – С. 428.
7. Там же.

Из писем А. Н. Боратынского матери из Санкт-Петербурга во время заседаний 3-й Государственной думы

№ 1.

4 мая 1909 г.

[...] Теперь главная работа в моей области идет в волостной подкомиссии, куда меня выбрали товарищем председателя. Но трудно работать. Правительство не сопротивляется той творческой работе, которую проявляет волостная подкомиссия, но и не содействует нам. Сведения цифровые даются с большой задержкой и осторожностью, думаю, для того, чтобы не дать нам в руки материала, который был бы использован не согласно с видами правительства. Недавно под моим председательством в подкомиссии произошел так называемый «инцидент». Старик князь Волконский первый, говоря о первых выборах в Государственную думу, вдруг разгорячился и назвал крестьян, агитировавших за экспроприацию земли, сволочью. Я не успел его остановить и, только когда он кончил, попросил взять его эти слова назад. Волконский прямой, честный и сердечный человек,

горячка только. Он, конечно, тотчас извинился, но крестьянин (казанский) Лунин* попросил слова, и я, видя, что он весь красный, понял, что он будет говорить о Волконском, но не мог не дать ему слова, так как не остановил Волконского. Он сказал приблизительно следующее: «Представитель высшего культурного русского сословия сказал, что мы — сволочи, но я не слыхал, чтобы кто-либо из некультурных крестьян в официальном заседании отозвался так о дворянах. И к тому же вспоминаю басню “Свинья под дубом вековым”… и т. д.» — не правда ли, ловко и не резко. Волконский на это ответил несколькими словами, которыми сказал: «Что делать, получил по заслугам, я погорячился и был не прав, но имел в виду не всех крестьян, а отдельные личности или группы».

Я тоже извинился, признав, что был виноват в том, что не остановил князя, и просил признать случай исчерпанным, но невольно умилился перед благородством старика и похвалил в душе сдержанность крестьянина. После заседания Лунин подходит ко мне и спрашивает: «Я думаю, князь не имел намерения нас обидеть, а просто сгоряча сказал». Конечно, говорю я, все вы видите, как он жалеет, что это сорвалось у него. Да, а кроме того, сказал Лунин, говорят, что его все крестьяне ихней губернии уважают и любят. Да и мы, члены думы, его уважаем.

Ну, я думаю, что надоел тебе, Матвей**, политикой и думой, мог бы рассказать из другой области две интересные вещи, но это уж при свидании. Напомни мне: 1) о соколином слете в Дворянском собрании (это был первый русский слет) — доклад гр. Бобринского и 2) о театре (театральный клуб), в котором я был с Марковниковым вчера, где давались «Смерть Арлекина» и пьеса Кузьмы Пруткова. Это смешные вещи, но из них «Смерть Арлекина» чрезвычайно интересна и в смысле постановки, и в смысле философском, нового веяния. Теперь из семейной хроники два слова: 2-го было рождение Наташи***, и я ей подарил две коробки хорошей почтовой бумаги — одну белой и одну розовой — и написал на одной розовой:

Душе горячей и живой
Для писем от идеалистки.

И на другой белой:

Для переписки деловой
Сухой и черствой феминистки.

Ей в этот день ее двадцатой весны поднесли много цветов.

Целую тебя крепко, дорогой Матвей. Это письмо пошлю с Марковниковым. Целую всех. Господь с вами. А. Б.

Литературный музей Е. Боратынского. КП-32827/881.

№ 2.

9-10 ноября 1910 г.

Дорогой Матвей, извини, что оставил тебя несколько дней без писем, но это произошло от того, что надо было успеть много просмотреть материалов и книг для моей речи. Посмотрел Ильминского по Рождествину и по изданиям Святого Синода, Будиловича**** и книгу о Рачинском*****, кроме того, пришлось порыться в думской библиотеке и через Вас собирать некоторые сведения (о татарах).

---

* Лунин Александр Ларионович (1867-?), общественный деятель. Депутат 3-й Государственной думы от Казанской губернии. Входил во фракцию кадетов, член земельной и крестьянской комиссий (здесь и далее подстрочные примечания автора вступительной статьи).

** Домашнее, ласковое обращение к матери.

*** Племянница А. Н. Боратынского.

**** Будилович Антон Семенович (1846-1908), литератор, педагог, профессор Юрьевского (Дерптского) университета.

***** Рачинский Сергей Александрович (1836-1902), литератор, педагог, профессор Московского университета, племянник Е. А. Боратынского.

В комиссии по самоуправлению работа теперь идет полным ходом, да и в думе закон о народном образовании, и перед речью надо было внимательно следить за ораторами. Посылаю тебе еще две вырезки из газет. Не могут усвоить моей фамилии, то князь Барятинский, то Воротынский.

Да, великую утрату понесла Русская земля в кончине Льва Толстого, и великий грех приняло на себя наше синодальное ведомство*. Не говорю Церковь. Церковь тут не при чем. Напротив, Церковь, т. е. русский народ со своим Государем во главе, показала свое отечественное горе.

Мы, октябристы, сделали что могли, чтобы предостеречь ведомство от неверного, грубого [...]**, антихристианского шага, мы послали депутацию к Столыпину и к митрополиту с настойчивым убеждением отказаться от принятой позиции. Столыпин сочувственно отнесся к нашим депутатам (Анреп, Родзянко, гр. Капнист), а митрополит заявил, что не может менять решений Синода. Во благовремении сказать духовному ведомству: се оставляется дом ваш пуст, ибо в синагогах, в протестантских церквях, в мечетях, везде служат и молятся о Толстом, и русские заказывают панихиды и огромными толпами наполняют армяно-григорианские и протестантские церкви. Обидно, горько, и как не понимает духовное ведомство, недальновидно, опасно для Православия.

Я говорил во фракции по этому вопросу, поддерживая заявление гр. Капниста о том, что нужно, чтобы священникам не мешали служить панихиды. Капнист находил, что противуобрядное настроение Толстого тут не при чем, ибо обряд для живых, любящих обряд, нуждающихся в нем, бесплотному же духу Толстого — бесплотная молитва. На заявление Леонова о том, раз Л. Н. [Толстой] отрицал обряды и что, следовательно, и нам не слелует поднимать шум около его могилы, я сказал, что именно если будет запрещено служить панихиды, то этот шум и беспорядок будет, и я не только как сторонник православия настаиваю на просьбе о свободе молитвы, но и как член Гос[ударственной] думы смотрю на разрешение служить панихиды и хоронить Толстого по православногому обряду как на акт политической мудрости. Последовал упрямый отказ, и сегодня на Невском разгоняли нагайками толпу всяких студентов, демонстративно певших «Святый Боже».

Нет, не Святый Боже, ибо Бог перестал быть святым и для этой демонстрирующей толпы, и для нашего духовного ведомства, а тот кто полон веры, тот лишен возможности осуществить свои духовные запросы.

Меня огорчает глубоко удар, нанесенный православию его собственными служителями.

Сегодня Лерке подошел ко мне и другим нескольким октябристам и сказал, что возникает мысль отправиться в немецкую церковь всей фракцией отслужить панихиду по Толстому. Бывшие тут согласились, а я сказал, что я не пойду, не поеду в Финляндию протестовать против русского дела, не пойду в кирку протестовать против Православной церкви. Недоумие духовного ведомства мне не указ. Не знаю, оставлена ли эта мысль. Но если не оставлена, то я во фракции предложу пойти в греческую церковь, а еще лучше к старообрядцам. Это будет сделано тогда с сохранением верности православию, а если у старообрядцев, то и национальной идее.

[...] Крепко целую тебя, дорогой Матвей, милый, Димочку крепко целую. Господь с вами. Пихров*** и всех целую…

Литературный музей Е. Боратынского. КП-32827/823.

Публикацию подготовил
Борис Куницын

* Речь идет о решении Св. Синода, запрещавшем проводить панихиды по Л. Н. Толстому в православных храмах.
** Слово неразборчиво.
*** Домашнее название семейства сестры А. Н. Боратынского Ксении Боратынской.